

УДК 94(47).084.3

ОБРАЗОВАНИЕ ГОРСКОЙ АССР И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СИТУАЦИЮ В ИНГУШЕТИИ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Т. Х. Матиев

Ингушский государственный университет, Магас
E-mail: tmt_77@list.ru

Статья посвящена анализу предпосылок, основных движущих сил, итогов и последствий создания Горской Автономной Советской Социалистической Республики в 1921 г. В статье указано, что данное государственное образование было первым опытом советского варианта горского интегризма. Данная идея была популярна как у прокоммунистических, так и антибольшевистских националистических сил. Тем самым, созданием Горской АССР Москва стремилась перехватить пропагандистские козыри у своих все еще влиятельных оппонентов в кругах горской интеллигенции. В статье указано на то, что первые шаги Советской власти в решении национального, аграрного и других острых вопросов жизни народов Северного Кавказа действительно способствовали привлечению симпатий горских народов. В первую очередь это относилось к ингушам, которые были самым малоземельным народом Терской области и в силу этого были особо чувствительны к проблемам земельного распределения, а также проблеме выравнивания в правах народов региона. Несмотря на распад Горской АССР в 1924 г., она сыграла важную роль как первый опыт коллективной государственной жизни горских народов в составе Советского государства.

Ключевые слова: советская власть, Горская Республика, земельный вопрос, национальная политика, съезд, Ингушетия, Кавбюро ЦК ВКП (б)

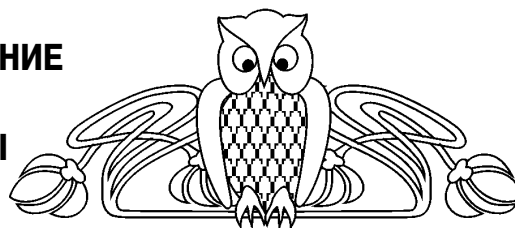
The Creation of the Mountain ASSR and its Impact on the Situation in Ingushetia after the Civil War

T. H. Matiev

The article analyzes the prerequisites, main driving forces, results and consequences of the creation of the Mountain Autonomous Soviet Socialist Republic in 1921. The article states that this entity was the first experience of the Soviet version of mountain integrity. This idea was popular with both pro and anti-Bolshevik nationalist forces. Thus, by the creation of the Mountain ASSR Moscow sought to seize the propaganda coup from its still influential opponents in Mountain intellectual circles. The article points out that the first steps of the Soviet power dealing with the national agrarian and other acute issues of life in North Caucasus really helped to attract mountain peoples' proclivity. First of all, it referred to the Ingush, who were the land-poorest people of the Terek region and because of this were particularly sensitive to the problems of land distribution, as well as to the problem of balancing the rights of the natives. Despite the collapse of the Mountain ASSR in 1924, it played an important role as the first experience of collective public life of the mountain peoples within the Soviet state.

Keywords: Soviet power, Mountain Republic, land question, national policy, Congress, Ingushetia, Caucasian Bureau of the Central Committee of the CPSU (b).

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-42-45

В 2016 г. исполнилось 95 лет с момента создания Горской АССР – первого и единственного опыта советской модели горского интегризма. Просуществовавшее относительно недолго (всего около трёх лет) государственное образование распалось под грузом национальных и экономических проблем при негласном потворстве этому процессу нового постленинского советского руководства, но за этот короткий срок был заложен важнейший фундамент национальной государственности народов Северного Кавказа. Для Ингушетии как региона, лишённого в царское время собственной административно-территориальной единицы и не имевшего опыта собственного национально-административного существования в рамках даже унитарного государства, эти события имели особое значение.

В конце 1920 – начале 1921 г. большевистская верхушка предприняла ряд принципиально важных шагов, имеющих большое значение для истории Ингушетии первой четверти минувшего века и венчающих, по сути, ее развитие в этот исторический отрезок.

Первым шагом, как уже отмечалось, стал съезд народов Востока в Баку в сентябре 1920 г. Один из его участников-ингушей А.-Г. Гойгов вместе с группой других делегатов имел встречу с Лениным в Москве. Вероятно, эта встреча также повлияла каким-то образом на решение, принятое на проходившем 14 октября 1920 г. при участии 27 делегатов бакинского съезда заседании Политбюро ЦК РКП (б). Текст решения этого заседания, рассматривавшего вопрос «О задачах РКП (б) в местностях, населённых восточными народами», уже неоднократно приводился целиком в исторической литературе. Поэтому коснемся лишь наиболее принципиальных его моментов.

Таковыми, на наш взгляд, являются пункты 2 и 3 постановления Политбюро. Пункт 2 гласит: «По вопросу аграрному признать необходимым возвращение горцам Северного Кавказа земель, отнятых у горцев великорусами, за счёт кулацкой части казачьего населения»¹. Таким образом, политика, уже проводившаяся в регионе эмиссарами центра, получила дополнительное одобрение и легитимность решением высшего государственно-политического органа. Это должно было заверить горцев в том, что поворот в аграрной и национальной политике Москвы окончателен.

Пункт 3 звучит в политическом смысле ещё более весомо: «Признать необходимым проведение в жизнь автономии в соответствующих

конкретным условиям формам для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений»².

Для развития народов Северного Кавказа (в первую очередь, ингушей) эти пункты как раз и имели главнейшее значение, хотя прагматичной большевистской верхушкой были использованы, возможно, лишь как средство смягчения ожидаемой реакции на последствия реализации пункта 4 того же постановления: «Вести борьбу против буржуазных и лжекоммунистических групп местного населения наряду с поддержкой действительно коммунистических групп и элементов»³. Проще говоря, режим пошел на размен (и как скоро выяснилось, временный) уступок в аграрном и национально-государственном устройстве Терской области, на обеспечение спокойных тылов в ходе намечающегося «освободительного» похода в Закавказье и неизбежной в дальнейшем «прополки» политического пространства и на самом Северном Кавказе.

Решение Политбюро ЦК РКП (б) было в советских условиях по сути директивой, поэтому рассмотрение 27 октября 1920 г. Кавбюро ЦК РКП (б) с участием наркома по делам национальностей И. Сталина вопроса об автономии народов Северного Кавказа и принятие решения «считать своевременным образование Терской и Дагестанской республик»⁴ было уже не более чем формальностью, равно как и краевое совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа 29 октября 1920 г. с участием Орджоникидзе, также завершившееся одобрением решения Политбюро⁵.

Для окончательного юридического оформления этих решений требовался еще ряд процедур, первой из которых стал съезд народов Терека. Примечательно, что хотя в Терской области с начала 1920 г. существовали Советы (в отличие от Дагестана, где продолжали действовать ревкомы), для рассмотрения вопроса об автономии был созван съезд народов Терека, а не съезд Советов. И хотя советская историография утверждает, что убедительно объяснить созыв именно съезда народов можно лишь стремлением Кавбюро ЦК РКП (б) и Наркомата по делам национальностей «как можно полнее выявить отношение широких кругов населения Терека и Дагестана к вопросам их автономного существования»⁶, нам все же это объяснение не представляется убедительным. Очевидно, что в условиях, когда результаты выборов в местные Советы не удовлетворили большевиков (а в Ингушетии процент партийных членов новизбранных сельсоветов не превышал 19%)⁷, им было гораздо легче манипулировать ходом работы съезда народов Терека, а не более легитимного, но в перспективе менее лояльного съезда Советов.

Чрезвычайный съезд народов Терека состоялся 17 ноября 1920 г. во Владикавказе и на нем присутствовало 500 делегатов, представлявших

все основные национальности области⁸. На съезде выступили с речами С. Киров и Г. Орджоникидзе⁹. Присутствовал на съезде и еще один видный деятель большевистской партии – наркомнац Иосиф Сталин, который от имени ЦК РКП (б) и Советского правительства декларировал Горскую АССР. Примечательно, что в советской историографии говорится о том, что Съезд заслушал «декларацию наркомнаца товарища Сталина о даровании (! – Т. М.) трудовым массам Терека Автономной Советской Горской Республики»¹⁰, т. е. свобода вновь воспринимается как нечто дарованное, сниспосланное не Богом, природой etc, а императором, вождем, партией, наркомнацем и т. д.

Так или иначе, но в 1920 г. этого еще никто не знал, и создание Горской республики с надеждой и одобрением встретили даже не слишком симпатизировавшие советской власти круги. Так, в преддверии провозглашения ГАССР в октябре 1920 г. «Вольный горец», называвший происходящее «...еще одной политической пародией» писал все же: «Пусть Советская Горская республика – политический фарс, но самый факт признания такой республики – это вода на нашу мельницу /.../. Мы ближе к нашей цели – независимой демократической республике Союза Горских народов»¹¹.

Уже через два месяца 21 января 1921 г. выходит декрет ВЦИК об образовании на территории бывшей Терской области Горской республики. Пункт 8 постановления гласит: «Автономная Горская Социалистическая Советская Республика делится на 6 административных округов, каждый со своим окружным исполкомом: 1) Чеченский; 2) Ингушский; 3) Осетинский; 4) Кабардинский; 5) Балкарский; 6) Карачаевский»¹². Владикавказ и Грозный с нефтяными промыслами выделялись в самостоятельные административные единицы, подчинявшиеся непосредственно ЦИК и СНК ГАССР¹³.

Процесс образования Горской советской республики завершился 16–22 апреля 1921 г. Учредительным съездом Советов республики во Владикавказе, который от имени ВЦИК и ЦК РКП (б) приветствовал С. Киров. От Ингушетии в руководящие органы республики вошли И. Зязиков – в ЦИК на правах зампреда, и в СНК – как наркомвнудел. 27 января 1922 г. он был избран председателем Горского ЦИКа¹⁴.

Таким образом, в течение полугода большевики блестяще осуществили замысел претворения в жизнь чужой идеи (принадлежащей, как отмечалось, их кавказским оппонентам из числа умеренных), реализовав ее так, что ключевые роли в новообразованной республике играли все те же РКП (б) и Советы. В тот момент всевластие большевиков было еще не столь очевидным, и их лучшим ораторам и пропагандистам пришлось приложить усилия для уверенного контроля над ходом съезда. В частности, Киров, «твердо заявив о победе на военных фронтах и прочности Советской власти», вместе с тем, указал на

«новый грозный фронт – фронт экономической разрухи»¹⁵, что при желании можно было истолковать в качестве призыва к сохранению бдительности, и смещения акцента с военных на более гуманные «экономические» формы борьбы за построение социализма. В экономическом развитии Ингушетии такие шаги были сделаны уже в 1920–1921 гг. Даже оппозиция в Тифлисе вынуждена была признать, что «...ингуши получили 40000 десятин казачьей земли и утолили свой земельный голод»¹⁶. А после того, как Учредительный съезд ГАССР 22 апреля 1921 г. высказался за скорейшее выселение казачьих станиц за пределы ГАССР и ликвидацию чересполосицы из-за «вопиющей нужды безземельных горцев», Ингушетия расширилась с 184 438,90 дес. земельной площади до 292 193 дес., что дало возможность большинству жителей нагорной части переселиться на плоскость. Если в 1920 г. нагорную часть Ингушетии населяло 9187 чел. (или 7 % от общего числа жителей последней), то в 1924 г. – всего 1513 (2,1 %), а к 1926 г. в горах числилось 1210 чел. (с временно проживающими 1386 чел. обоего пола)¹⁷.

По другим данным, численность населения горной зоны в 1920 г. составляла 1666 душ обоего пола, но все равно плотность населения составила всего 1,7 чел. на кв. км, что «ниже плотности населения многих пустынь»¹⁸.

Из числа отошедших к Ингушетии земель 91918,47 дес. принадлежали прежде Сунженскому отделу, 15901,76 дес. – Владикавказскому и Нальчикскому округам, общая площадь Ингушетии выросла на 58,4 %. Однако душевая обеспеченность всей землей по области увеличилась на 0,78 дес., а обеспеченность одной только удобной землей – всего на 0,07 дес. и, таким образом, фактическая обеспеченность удобными землями несколько не повысилась, и кризис малоземелья в Ингушетии далеко еще не изжит. Тяжелым испытанием стала и засуха в Ингушетии летом 1921 г., следствием чего явились скудные урожаи зерна в Кескеме, Назрани и др. местах¹⁹.

Заметно улучшилось положение с образованием. В Чечне и Ингушетии к концу 1920 г. было открыто 108 национальных школ, в которых обучалось 3895 учащихся²⁰. В 1924/25 учебном году в Ингушетии функционировало 16 школ с 1100 учащимися, 24 ликпункта, 3 избы-читальни, 1 клуб, 1 школа кройки и шитья и 3 техникума: педагогический, сельскохозяйственный и индустриальный²¹. 1 мая 1923 г. в Ингушетии был введен латино-ингушский алфавит²². Таким образом, Ингушетия первой на Северном Кавказе приняла латинскую графику²³.

Начали выходить газеты «Ингушская беднота» (с 1920 г.)²⁴ и «Serdalo». Все же процент грамотных к 1924 г. оставался ничтожным – всего 3 %²⁵. Кроме того, к примеру, нагорная часть Ингушетии даже в середине 1920-х гг. была «... еще лишена элементарной организации здра-

воохранения»²⁶, хотя на плоскости ситуация уже была не столь плачевной.

Ингушам сразу же пришлось столкнуться и со всеми издержками большевистской системы: от преследований политически неблагонадежных (еще летом 1920 г. были арестованы бывший начальник Ингушской госстражи Магомет Котиев и полковник К. Гойгов²⁷) до продналога, который измотанные войной, разрухой и засухой села в срок и в полном объеме платить не могли. В Назрановском округе, разделенном на 3 района (Пседахский, Назрановский и Галашкинский²⁸), по сведениям большевистской печати сбор налога «с самого начала шел с недостаточным успехом»²⁹.

Умело большевики обошлись и с национальным вопросом. Хотя в 1924 г. отмечалось казачье-ингушское столкновение близ Яндырки³⁰, но в целом даже недоброжелатели Советов вынуждены были констатировать заметное оздоровление межнационального климата в регионе после завершения Гражданской войны. «Теперь осетины бывают у ингушей, ингуши у осетин. Такого единения давно не помнят, – пишет «Вольный горец» в 1920 г. – Даже казаки с ингушами примирились»³¹. Шаги большевиков навстречу чаяниям горских народов (в плане аграрном) – нейтралистские (в плане «ничейного» статуса Владикавказа и Грозного) – были в тот момент достаточно дальновидными. Они выходят за рамки попыток обойти решение проблемы и приближаются уже к самому способу ее решения. Причем эффективность этих мер (например, с ничейным статусом станиц) отчасти признавалась и в эпоху раннего сталинизма – даже после расчленения Горской республики в 1924 г. тот же Владикавказ (Орджоникидзе) еще 10 лет оставался единой столицей двух вновь образованных автономных областей – Ингушской и Северо-Осетинской. Очевидно, решения, принятые в этом плане в 1921 г., довольно полно соответствовали интересам и ожиданиям самих горских народов, если Сталин решил начать произвольную перекройку административно-территориального устройства, означавшего «ревизию» этих решений только в тот момент, когда прочность его позиций и в центре, и в регионе уже не вызывала сомнений.

И хотя Горская АССР и Ингушский округ как ее часть просуществовали всего 3 года, тогда как Ингушская АО – 10 лет (1924–1934), но эти 3 года Горской республики были пиком созидательного порыва и в плане истории региона, и истории всей страны в первой трети XX века.

Если говорить о регионе и конкретно об Ингушетии, эти годы стали временем относительного торжества справедливости после предыдущих десятилетий колониального гнета и 4 лет Гражданской войны. Но они стали таковыми еще и потому, что в истории страны этот период отмечен пусть и вынужденными и во многом непоследовательными попытками поворота на цивилизованный путь развития, вошедшими в оте-

чественную историю как недолгий «ленинский» отрезок недолгого же нэпа. Следующие 10 лет после демонтажа Горской АССР станут временем интенсивной подготовки Сталиным тотального демонтажа всех немногих полудемократических завоеваний последних лет правления Ленина и построения классической тоталитарной модели в СССР. Следовательно, и для ингушской автономии период, последовавший за распадом Горской АССР, целиком связанный с нахождением у власти Сталина, был скорее началом конца, чем концом начала тех многообещающих перемен, которые ознаменовали начало 1920-х гг.

Примечания

- 1 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР / под ред. Н. А. Смирнова : в 2 т. Т. 2. Грозный, 1972. С. 81.
- 2 История Ингушетии. Ростов н/Д, 2013. С. 439.
- 3 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. С. 81.
- 4 Гражданская война на Северном Кавказе : материалы регион. науч. сессии 23–24 дек. 1980 г. / под ред. М. А. Казанбиева. Махачкала, 1982. С. 167.
- 5 Там же. С. 168.
- 6 См.: Макарова Г. П. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР, 1917–1923. М., 1987. С. 59.
- 7 См.: Мартиросиан Г. К. История Ингушии. Орджоникидзе, 1933. С. 289.
- 8 См.: История Ингушетии. С. 439.
- 9 Там же.
- 10 От вековой отсталости – к социализму, осуществление ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии (1917–1941 гг.) / науч. ред. С. Н. Джугурьянц. Грозный, 1977. С. 37.
- 11 Вольный горец. 1920. 18 окт.
- 12 История Ингушетии. С. 439.
- 13 См.: Ингушская государственность. Нормативно-правовые акты новейшей истории. М. ; Назрань, 1997. С. 14.
- 14 См.: История Ингушетии. С. 440.
- 15 Орахелашвили И. Д. Прекрасный человек. О Сергее Кирове. Воспоминания, очерки, статьи современников / сост. М. И. Владимиров. М., 1985. С. 106.
- 16 Вольный горец. 1920. 5 июля.
- 17 См.: Мартиросиан Г. К. Указ. соч. С. 93.
- 18 Христианович В. П. Горная Ингушетия. Ростов н/Д, 1928. С. 61.
- 19 См.: История Ингушетии. С. 440.
- 20 См.: Бугай Н. Ф. Ревкомы в национальных округах Северного Кавказа (1919–1920). Нальчик, 1977. С. 117.
- 21 См.: Зоев С. О. Экономика и культура Ингушской автономной области (1924–1934). Грозный, 1991. С. 51.
- 22 См.: Мальсагов З. Общечеченская письменность // Горский вестник. 1924. № 2. С. 36.
- 23 См.: Зоев С. О. Указ. соч. С. 56.
- 24 См.: Бугай Н. Ф. Указ. соч. С. 126.
- 25 См.: Мальсагов З. Указ. соч. С. 73.
- 26 Мартиросиан Г. К. Указ. соч. С. 129.
- 27 Вольный горец. 1920. 13 сент.
- 28 См.: Мартиросиан Г. К. Указ. соч. С. 289.
- 29 Горская правда. 1922. 7 марта.
- 30 См.: Яндиев А. Жизнь, отданная народу. Саратов, 1996. С. 8.
- 31 Вольный горец. 1920. 19 июля.

Образец для цитирования:

Матиев Т. Х. Образование Горской АССР и его влияние на ситуацию в Ингушетии после окончания Гражданской войны // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 42–45. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-42-45.

Cite this article as:

Matiev T. H. The Creation of the Mountain ASSR and its Impact on the Situation in Ingushetia after the Civil War. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 42–45 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-42-45.